

Елена Волкова

Соловецкий монастырь

В ВОСПОМИНАНИЯХ ПАЛОМНИКОВ И ТРУДНИКОВ

(по материалам историко-этнографических экспедиций СГИАПМЗ)¹

VII. СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ ПОСЛЕ 1917 г.

О монахах Кондострова²

Андреев Антон Иванович (1897 г.р.) рассказывал: «Мой прадед был юровщиком на белужьем промысле от монастыря. Много раз он бывал на Кондострове, когда еще там жили монахи (в последнее время 7–8 человек). Поедешь на зверобойку, в баню захочешь, зайдешь к монахам. Хлеба, молока давали. А при советской власти скупы стали, хотя и тогда в голодные годы хлеба у них было довольно. В палатке видел сам сложенные в штабеля, подобно дровам, полупудовые хлеба. А когда спросил у строителя Данилы хлеба, тот ответил: „Нету хлеба — мы сами на норме живем“. Пошел на кухню к повару монаху Паисию (тот вроде расслабленного был, дрожал) просить хлеба.

— Нету, — говорит.

А потом подвел меня к столику, раскрыл ворот мне, молча насыпал мне сухарей за пазуху и выпроводил: „Ступай с Богом“. Монахи Кондострова были недовольны строителем. Как-то перед Пасхой строитель баню истопить не дал: „Иисус Христос страдал, а вы в баню захотели. В скорбях надо встречать, а не в радости“.

Рассказывал А.И. Андреев и о прибытии на Кондостров представителей советской власти: «Прибыли к монахам на пароходе „Маяк“.

— Укажите нам три склада.

— У нас ухоронок нет, — отвечали монахи.

Тогда один выхватил наган и бумажкой трясет — вот, дескать, тут у строителя написано. Тогда эконом показал эти три склада. Прибывшие убили единственного на острове быка (на мясо), забрали два ведра с маслом и одно с ягодами, и в спешке (начинался шторм, и пароходу стоять у острова было опасно) удалились. После их отъезда монахи долго потешались над тем, что сумели подсунуть отъезжающим вместо ведра с маслом ведро с ягодами³.

О пожаре 1917–1918 гг. в Соловецком монастыре

«Загорело в сушильном чердаке выстиранное и высохшее белье. Тушить пожар начали два мальчика, сушильщики белья, но они не справились с огнем и сами сгорели. Огонь перебросился на крепостную стену и по ней распространился в обе стороны. Нависла серьезная опасность всему монастырю, так как вблизи горевших построек огонь быстро распространялся по крепостной стене и приближался к Такелажной башне, в которой хранились смола, скипидар, керосин, такелаж с пароходов, пакля и другие материалы. Из монастыря поступила радиogramма в Архоблисполком с просьбой послать ледокол на спасение монастыря. На его подготовку потребовалось до 3 суток. За это время пожар удалось ликвидировать своими силами...»⁴

¹ Окончание. Начало см.: Соловецкое море. Архангельск; М., 2010. Вып. 9, 10.

² Кондостров был передан Соловецкому монастырю в 1897 г. (О создании скита на Кондострове см.: Лаушкин А.В. Забытый остров: К 100-летию освящения храма в Николаевском Кондостровском скиту Соловецкого монастыря // Соловецкое море. Архангельск; М., 2008. Вып. 7. С. 78–86.)

³ Научный архив (НА) СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 119. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973.

⁴ Там же. Д. 593. Кононов Ф.П. Воспоминания. 1973.

Кондостровский Николаевский Скитъ

Кондостровский Николаевский скит. Открытка нач. XX в.

Военные на острове

Бывший послушник Соловецкого монастыря Ф.М. Головин (1902 г.р.) находился в монастыре по обету с мая 1916 г. по июль 1917 г. Он рассказывает: «В связи с Германской войной в монастыре „на всякий случай“ стояли 10 унтер-офицеров и 20 солдат на брони (из послушников, которые уже в свое время служили в армии)»⁵.

Т.Е. Курьянов (1904 г.р.) был в 1917 г. на Соловках по обету и вспоминает, что настоятелем тогда был избран Вениамин. «Монахам не нравились нововведения Иоанникия: электростанция, радиостанция. Они считали это богоотступничеством, и было много противников электричества. В 1922 году в связи с упразднением монастыря из Соловков на специальном теплоходе вывозили монахов, им было предоставлено право выбора местожительства»⁶.

Л.В. Репин (1907 г.р.) родом с Орлова маяка, рассказывал: «При мне на острове были англичане. Прибыли они на Рождество Христово. Это точно — тогда я увидел первый гидроплан. Были у англичан крейсера. Большой крейсер стоял. Англичане жили на кораблях, а беяки — в гостинице на берегу. Хозяевами на острове были англичане... Весной (1920 г.) через Муксалму пришли красные (десант высадили). Когда Советская

власть укрепилась, нас (трудников) стали вызывать по очереди, предлагали одно из трех: или ехать домой, или ехать учиться, или в Соловках оставаться. Отъезжающим давали продукты на три дня. Я уехал в Онегу... Гужов — первый комендант Соловков, там в Соловках распоряжался... Ломали стены, вывозили хлеб (запасов у монахов хватало лет на десять). Гужов нажился. Помню, встретил его в Кемь, — здесь он торговал соловецкими вещами»⁷.

А.А. Самойлов из деревни Летняя Золотица рассказывал: «Как пришли англичане, так сразу арестовали радиста и увезли на п/х «Михаил», которым они завладели. Радист был вольный, он радиостанцию монтировал в монастыре, работать остался. Так его при переходе в Кемь англичане и утопили»⁸.

В.П. Бровков (1890 г.р.) вспоминал: «Был я в Соловецком монастыре в 1919 г. В это время там стояли англичане. Было их более 100 человек. В гавани стояла, кажется, (английская) канонерская лодка. Монахов было человек 500. При мне 60 человек постригал архимандрит (Вениамином, кажется, звали)»⁹.

⁵ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 60. Отчеты по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1970.

⁶ Там же. Д. 63. Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972.

⁷ Там же. Д. 65. Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1974.

⁸ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 70. Отчет об экспедиции в Приморский и Онежский р-ны Архангельской обл. 1978.

⁹ НА СГИАПМЗ. 11-13-79-5. Дневник экспедиции в Верхнетоемский р-н Архангельской обл.

У Святых ворот. Фотография Я.И. Лейцингера нач. XX в.

Советская власть

Ф.В. Устинова вспоминала, что ее муж, М.А. Устинов, капитан монастырского парохода, возил народного комиссара Кедрова на пароходе в Соловки по вопросу упразднения монастыря. В ответ на опасения Кедрова о вооруженном сопротивлении Устинов заверил комиссара, что сопротивления не будет и, по словам Фаины Васильевны, его не было. Михаил Алексеевич привел Кедрова в покои настоятеля Вениамина, где Кедров объявил, что интервенты ушли и что всё переходит к Советской власти. «Мы сопротивления делать не будем», — заявил, по словам рассказчицы, настоятель, и сам уехал в Архангельск¹⁰.

В.В. Бычков, работавший в 1920 г. три месяца на Соловках в качестве рядового члена комиссии по приему ценностей Соловецкого монастыря, вспоминает: «Комиссия состояла из 23 человек. Большинство членов комиссии было из Архангельска, преимущественно матросы. Во главе комиссии стояли: Александр Дмитриев, Иван Иванович Сивков, Вячеслав Николаевич Степанов. Перед комиссией стояла задача выяснить все богатства, все хлебные запасы Соловецкого монастыря. Члены комиссии были вооружены наганями... Мы жили в гостинице каменной. Приняли они нас очень хорошо. Поднесли от игумена пирог с палтусом. Монахи говорили, что весил этот пирог 25 пудов. Не знаю как насчет весу, а пирог был действительно метра полтора. Хорошо пропечен, хорошо сделан, на специальных противнях. Очень

вкусный был, а тем более в 1920 году. Плохо тогда было с харчами. И мы, конечно, не отказались от пирога. Добрались до этого пирожка... Обедали вместе с монахами в трапезной Успенской церкви. Кормили хорошо. Монахи сопротивления не оказывали, но и помогать не помогали. Да и какая могла быть помощь? „Да что вы, что вы, — говорили, — это же грех, меня все проклянут“. Вот и весь разговор. Чернецы¹¹ только помогли: „Вы не там ищите“. Чернец — он же рабочий человек. С ним разговаривали как со своим, рабочим человеком. Через них пошло дело. За ниточку-то дернули... Что выяснилось? Везде — в кумполах, стенах — то продовольствие, то... сахар, мука... Короче, все у них было. По нашим соображениям тыщонки полторы людей в течение трех лет прожили бы. И любую осаду выдержали бы. Очень много оружия было: пулеметы, пушки... И спрятано, и в озерах утоплено. В Преображенском соборе при мне оклады на иконах, цепи — все это было снято... Я при вывозе вещей не участвовал. Уехал, и все вещи остались. Мы свое дело сделали. И монастырь так и остался. Конфискованным заведовал комендант Гужиев, из Кеми. Его, видимо, потом сняли. Видимо, он там, в Соловках, опростоволошился. Не туда они, ручки, стали гнуться... Он при НЭПе торговлю открыл. Я зашел как-то, смотрю — соловецкий сундук, а там — ризы и всякие чертовщины. Наверное, его из-за этого с Соловков и выгнали. В общем, торговал он, Гужиев... Монастырь постепенно умер. Монахи стали разбегаться. Жили они в Кеми, жили в Рабочеостровске... Монахи

¹⁰ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972.

¹¹ Видимо, речь идет о монастырских трудниках.

больше кустарничали — делали грабилки¹² и так далее. Они были искусники в этом отношении. Деревянное дело знали, любили»¹³.

Судьбы соловецких монахов после закрытия монастыря

Часть монахов, вынужденных покинуть монастырь после его закрытия, вернулась в свои родные деревни или осела в Кеми. Воспоминания местных жителей сохранили некоторые сведения о них.

И.Ф. Семенов (1907 г.р.), уроженец г. Кеми, рассказывал: «Соловецким монахам после упразднения монастыря предложили отправиться к родственникам. Давали деньги. В Кеми до 1937 г. жили пять бывших монахов. Они занимались ремеслом»¹⁴. «Пережились монахи на местных [кемских — Е.В.]. Монахов не трогали»¹⁵.

А.С. Костин (1897 г.р.), уроженец Гридино, вспоминал, что «...в Кеми на Каменевском пр. жили два бывших соловецких монаха. Делали грабилки (для сбора ягод). Оба умерли до войны»¹⁶.

В.А. Семенов (1901 г.р.) рассказывал: «После упразднения монастыря бывшие соловецкие монахи делали в Кеми лестницу у гостиницы (каменную). Один из монахов был бондарем, другой делал грабилки, третий сторожил сено в Мятреке, четвертый точил пилы. Того, который точил пилы, не забуду. Монах всегда спрашивал заказчика: „Как вам выточить: очень-преочень или не очень-преочень?“ Очень-преочень стоило 10 руб., не очень-преочень — 5 руб.»¹⁷

Л.В. Репин говорит: «...Из соловецких монахов помню Силинского Михаила. Он был врачом в Соловках. Да-да, монах, и в то же время врач. В Кеми, куда он уехал после ликвидации монастыря, он тоже принимал больных, дом здесь построил, но умер»¹⁸.

После упразднения Соловецкого монастыря несколько монахов, уйдя в мир, поселились в Летней Золотице.¹⁹

Ф.В. Устинова свидетельствует, что «в деревне был один кузнец из монахов Лысков Михаил Федорович, который после упразднения монастыря поселился в деревне, обзавелся семьей и обучил многих кузнечному ремеслу»²⁰.

Есть сведения о Дмитрие Евстигнеевиче Аксенове из деревни Заборье, который также был монахом в Соловецком монастыре. После 1917 г. вернулся из монастыря. Служил где-то в сельском совете и умер до Второй мировой войны²¹.

А.В. Привалихина из д. Поле вспомнила Александра Ивановича Маркова, в монашестве Анатолия. После ликвидации монастыря он вернулся в село, помогал сельчанам по хозяйству²².

VIII. ПЕРСОНАЛИИ

Архимандрит Иоанникий (Юсов)²³

А.В. Привалихина из д. Поле вспоминала: «Александр [Иван. — Е.В.] Филиппович Юсов, в монашестве Иоанникий. Сломал ногу и по обету ушел в Соловки. Семья Юсовых состояла из 3 сыновей и нескольких дочерей. Александр Юсов был веселый парень, песельник. Многие жители села ходили в Соловки на богомолье и навещать односельчан»²⁴.

Ф.П. Кононов рассказывал: «В это время (1916–1917) в монастыре случился бунт молодых монахов. До пострижения в монахи они служили солдатами под Порт-Артуром. Там они дали обет: уцелеют — уйдут в монастырь. Военный министр дал согласие на освобождение этих солдат от воинской службы, но потребовал от настоятеля незамедлительно включить их в списки монахов, что настоятель и сделал. Новые монахи были грамотными, энергичными, здоровыми молодыми людьми, и Иоанникий (настоятель

²⁰ Там же. Д. 156. Дневник экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982. Т. 6.

²¹ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6/79, 11-13-79. Т. 6. Дневник экспедиции в Верхнетоемский р-н Архангельской обл. 1979.

²² Там же. Д. 11-13-86. Т. 4. Дневник экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1986.

²³ Архимандрит Иоанникий, в миру Иван Филиппович Юсов, родился в 1850 г. в семье крестьянина Архангельской губернии Онежского уезда. В 1867 г. по обету пришел в Соловецкий монастырь и был принят в качестве трудника. В 1888 г. рукоположен в иеромонахи. В 1895 г. был единогласно избран настоятелем. В 1917 г. был уволен на покой. Прожил на покое в Савватьевском скиту 3 года. В 1921 г. отошел ко Господу. (Мануйл (Лемешевский), митр. Соловецкий цветник // Духовный собеседник. 2000. № 1(21); Лаушкин А.В. Несколько слов об истории этой книги // История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. М., 2001. С. III (третьей пагинации).)

²⁴ НА СГИАПМЗ. Д. 11-13-86. Т. 4. Дневник экспедиции в Онежский р-н Архангельской обл. 1986.

¹² Приспособление для сбора ягод.

¹³ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 11-13-75. Т. 2. Дневник экспедиции в дер. Летняя река – Кереть – Кандалакша. 1975.

¹⁴ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 65. Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1974.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д-2/73, 11-13-73. Т. 2. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны Архангельской обл. 1973

¹⁸ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 65. Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1974.

¹⁹ Там же. Д. 156. Дневник экспедиции на Летний берег Онежского п-ва. 1982.

Архимандрит Иоанникий (Юсов)
Фотография нач. XX в.

монастыря) задумал подготовить их к службе в монастыре в качестве священников и дьяконов, для чего открыл богословское училище с семинарской программой и специально пригласил из Петрограда преподавателей. Учились новые монахи два года, после чего Иоанникий сделал кого попами, кого дьяконами. Попы и дьяконы освобождались от тяжелых физических работ, но в это время для обеспечения электростанции водой строились каналы, и на эту работу привлекали всех, в том числе молодых попов и дьяконов. Новым попам и дьяконам это не понравилось, и они написали жалобу на Иоанникия: настоятель самоуправничает, вместо того, чтобы молиться, роет каналы, растрчивает монастырские деньги на это дело. Получив жалобу, Синодальная контора направила в Соловки ревизора — вологодского vicарного епископа Антония. Он прожил в монастыре месяц, составил акт — в нем не было ни одного слова в пользу Иоанникия — и уехал. Получив Акт ревизии, Контора срочно потребовала от Иоанникия объяснения по нему. Объяснение писали коллективно, всем собором. В него входили настоятель Иоанникий, наместник, казначей, ризничий, духовник, делопроизводитель (иеромонах). Когда я приехал, писался черновик.

Иоанникий, узнав, что у меня красивый почерк, потребовал меня к себе. Принял меня

настоятель в столовой, вид у него был удрученный. Вначале он расспросил меня о том о сем, а потом и говорит:

— Вот ты прошел военную службу... Наверное, научился тайну цареву хранить?

— Да, наверное.

— А вот, если послушаешь меня, надо тайну цареву хранить.

— Я даю свое честное слово. Буду в этом отношении аккуратен.

И архимандрит Иоанникий рассказал мне свою печаль:

— Восстали мои самые приближенные попы и дьяконы, которых я спешно с военной службы, с Порт-Артура, выхлопотал у военного министра и зачислил в братство Соловецкого монастыря. Пишут про меня небылицы в лицах. Жалобщиками стали. Послали бумагу в Святейший Синод. Мне надо в настоящее время помощника, чтобы переписывать материал набело. Твой красивый почерк будет мне большой помощью. Я освобождаю тебя от всех послушаний, жить будешь у меня — в запасной келейной комнате, столоваться будешь по будням со мной, а праздник — в трапезной. Но трудиться придется много. И тайну цареву хранить.

Так я стал жить у настоятеля. У самого настоятеля — спальня, зал, столовая, приемный зал для высокопоставленных визитеров (круглый стол и 6 стульев). Простые беленые стены, а на них — портреты соловецких архимандритов...»

Ф.П. Кононов вспоминал: «...Однажды, поздней осенью или ранней весной, уж не помню, радист принес настоятелю радиограмму: император отрекся от престола в пользу брата Михаила. Тут настоятель велел разбудить меня. Я пришел. Настоятель сидит в келии с растрепанными чувствами, плачет. Показал радиограмму:

— Отечество в опасности. Результаты нельзя предусмотреть.

С первым пароходом Иоанникий уехал в Святейший Синод в Петроград. Получив его объяснение, Синод не признал основательной жалобу молодых монахов (последние с открытием навигации разбежались) и вообще за Иоанникием никаких преступлений не обнаружилось, но, учитывая возраст — 70 лет, Синод освободил его от должности настоятеля. Принимая во внимание безупречную службу Иоанникия (он был в монастыре с 13 лет), Синод назначил ему пенсию — 1000 рублей в месяц с предоставлением запасных настоятельских покоев на третьем этаже Настоятельского корпуса с видом на пристань и Преображенскую гостиницу»²⁵.

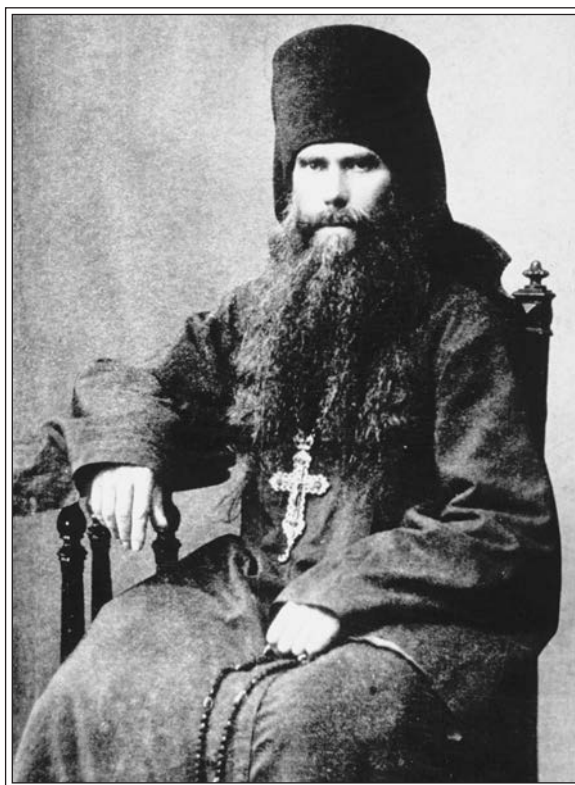
²⁵ Шилов Н.И. //Соловецкий Вестник. 1993. Вып. 12 (77).

Архимандрит Вениамин (Кононов)²⁶

Анна Андреевна Усова, внучатая племянница архимандрита Вениамина, последнего настоятеля Соловецкого монастыря, рассказывала: «Архимандрит Вениамин был уроженцем села Шеговары, Шенкурского уезда. В миру его звали Василий, а фамилия — Кононов. Василий был вполне жизнерадостным молодым человеком, и его досуг не отличался существенно от досуга сверстников. Когда родители его умерли, а старшим в семье остался его брат Федор, Василий ушел в город, где стал работать на одном из заводов в Маймаксе. Как-то раз приснился ему образ Спаса Нерукотворного, укоряющий его за невыполнение обещания побывать в Соловках на богомолье. На следующий день ушел Василий с завода, а через несколько лет узнали односельчане Василия Коконова в одном из соловецких монахов, принявшем имя Вениамин». Сколько лет Вениамин был настоятелем, Анна Андреевна не знает. Помнит, что в 1911 г., когда была она на Соловках, «Вениамин был архимандритом [неправильно! — Е.В.], а в 1913 г., как об этом говорит надпись на сохранившейся у нее фотографии, — настоятелем Сийского монастыря. В это время монастырем руководил Иннокентий [Иоанникий. — Е.В.], которого братия не любила и, взбунтовавшись, снова вытребовала себе Вениамина. Последний архимандрит Соловецкого монастыря жил в Архангельске (примерно в 1922–1924 гг.), опасаясь известности среди верующих. Вениамин был ясновидцем и прозорливцем. Около 1925 г. он поселился вместе со своим келейником Никифором у какого-то озера, недалеко от берега Белого моря. Около 1926 г. на них напали грабители. По материалам процесса, Никифор от страха спрятался головой в печку. А Вениамин, не обращая на убийц внимания, молился и был готов принять мученическую кончину. По рассказу убийц, пульей попасть в него не могли. Тогда они вышли из избушки

²⁶ Василий Васильевич Кононов родился в 1869 г. в семье крестьянина Шенкурского уезда Архангельской губернии. В 1893 г. поступил в Соловецкий монастырь в качестве трудника. Пройдя чреду различных послушаний, в 1903 г. был пострижен в монахи, в 1908 г. рукоположен в сан иеромонаха, в 1909 г. он избирается духовником монастыря. В 1912 г. назначается на должность настоятеля Антониево-Сийского монастыря с возведением в сан архимандрита. В 1917 г. архимандрит Вениамин был выбран настоятелем Соловецкого монастыря. В конце 1920 г. архимандрит Вениамин с иеромонахом Никифором были арестованы и отправлены на лесозаготовки в Холмогоры. Летом 1926 г. они поселились на берегу Волкозера в уединении. В 1928 г. на Светлой седмице они были убиты и сожжены грабителями. (Жизнеописание священномученика Вениамина // Православный церковный календарь. М., 2003. С. 177–182.

Архимандрит Вениамин (Кононов)
Фотография нач. XX в.

и подожгли ее. В Архангельске был открыт процесс над убийцами»²⁷.

Ф.П. Кононов, трудник Соловецкого монастыря, вспоминал: «...А я в это время жил в Сийском монастыре, где настоятелем был бывший духовник Соловецкого монастыря Вениамин. Он знал меня лично и принял очень хорошо. Я жил у него до тех пор, пока он не получил решение Синода о назначении его настоятелем Соловецкого монастыря вместо Иоанникия. Я поехал вместе с Вениамином. В Архангельске Вениамин оставил меня на послушание в качестве делопроизводителя на Соловецком подворье».

«...Величайшая политическая ошибка со стороны Вениамина состоит в том, что во время голода он поддавался уговорам безрассудно-глупых монахов не отдавать монастырские ценности, а изъять их из монастырской ризницы и спрятать. Это было безумие. В Соловки приехала комиссия, и ценности изъяли, а Вениамина и иеромонаха Никифора арестовали и отправили на три года в ссылку. Были они в лагере где-то в Архангельской губернии, но к работам не привлекались. Через три года их освободили. Они приехали в Архангельск и жили у благотворителя. Потом они решили поселиться в пустыни

²⁷ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 59. Отчет по стажировке (Осипович А.И.). 1969.

в 60 километрах от Архангельска на рыбных Лаяцких озерах²⁸. Устроиться им помог бывший послушник Соловецкого монастыря Степан Антонов. Он построил им избу, завез продукты, керосин. Вениамин с Никифором отправились жить в пустынь... По пути в деревне Лодьма они заказали сапожнику бродни, а портному — ватные куртки. О том, кто такие пустынники, узнали два молодых парня. Они решили, что у настоятеля — все монастырское золото. С целью захвата золота эти парни отправились к монахам...

— Давайте монастырское золото!

— У нас и пуговицы золотой нет, — отвечали Вениамин и Никифор.

Парни им не поверили, но золота не нашли. Нашли топор, пилу да гвозди. Двери и окна забились досками. Нашли весь запас керосина. Этим керосином облили стены и зажгли избу, в которой находились пустынники. Парни захватили сапоги и куртки Вениамина и Никифора. С этим они пришли в Лодьму и попросили сапожника подогнать сапоги. А сапожник и спрашивает:

— Откуда у вас эти сапоги? Ведь я шил их для архимандрита Вениамина и Никифора, которые в пустыньку жить поехали.

Парни пошли к портному, чтобы тот подогнал под них куртки. Портной сказал им то же. Парней арестовали, судили и дали по три года тюремного заключения.

По упразднении монастыря там остались престарелые и те лица, которым некуда было деваться. В их распоряжении была Архангельская гостиница и кладбищенская церковь. Всего осталось 73 человека. Шестеро из них священники и дьяконы. Остальные работали по специальности и получали паек от новых хозяев²⁹.

Илья Иванович Варакин³⁰

«В 1912–1916 гг. И.И. Варакин проживал на Соловках, работая по найму в монастыре, вначале гарантийным механиком, затем заведующим электростанцией. Он жил в Архангельской гостинице на 2 этаже (зимой гостиницы не отапливались). Ставка гарантийного механика — 98 руб., зав. электростанцией — 140 руб., на готовом столе. Обслуживающий персонал Варакина — 6 человек. Илья Иванович имел пару лошадей для выезда. Хорошие мастера ценились в монастыре,

поэтому Варакин имел определенные льготы: подчинялся он только настоятелю, имел право выбирать работников сам, имел доступ в библиотеку, ризницу, во все мастерские. Жилось ему хорошо»³¹.

Капитаны соловецких пароходов

Михаил Алексеевич Устинов — житель д. Летняя Золотица, капитан монастырского парохода «Михаил Архангел».

«Родился в 1882 году в бедной семье, двенадцати лет отдан в Соловецкий монастырь. 3–4 года был певчим, затем обратил на себя внимание архимандрита. По его совету окончил монастырскую школу. Приобретение пароходов Соловецким монастырем поставило вопрос о необходимости иметь собственных специалистов. Настоятель отправил Устинова на учебу в мореходную школу Сумпосада. После сдачи экстерном курсов в Архангельске Михаил Алексеевич работает штурманом на пароходе «Соловки» — отрабатывает учение. А после смерти капитана занимает его место и служит монастырю до его упразднения. С передачей парохода Советской власти продолжает работать капитаном и обслуживает линию Архангельск – Онега – Кемь»³².

Никифор Яковлевич Носов (1828 г.р.) сначала на паруснике ходил, потом на «Надежде». «Дед мой капитаном плавал и на покой в монастырь поехал. Сети им вязал, рясу носил, но монахом не был»³³.

Матвей Иванович Дуров — капитан парохода «Вера», механик — Мусиков из Архангельска. «На пароходе „Соловецкий“ капитаном чухна был, эстонец, некий Катлужский»³⁴.

Выпускники Иконописной школы и трудники

Василий Лукич Носов мальчиком поступил в Соловецкий монастырь и жил там до 23 лет, до армии. Вначале был певчим, а затем учился в иконописной монастырской школе. Умер в 1950-е годы. [Написал] иконы с изображением св. князя Георгия, Владимира, прп. Власия и св. Екатерины (инв. № 1009). В деревне были обнаружены еще три работы маслом Василия Лукича: портрет дво-

²⁸ Вероятно, Лодемских озерах. Архимандрит Вениамин и отец Никифор поселились на Волкозере.

²⁹ Шилов Н.И. //Соловецкий Вестник. 1993. Вып. 12 (77).

³⁰ И.И. Варакин родился в 1884 г. В последние годы он проживал в Архангельске у своей дочери, где его в 1971 г. посетила Л.В. Шилова, зав. Соловецким музеем, и записала его воспоминания.

³¹ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Отчет о командировке в Кемь и Беломорск. 1971.

³² Там же. Д. 63. Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972.

³³ Там же. Д. 70. Отчет об экспедиции в Приморский и Онежский р-ны. 1978.

³⁴ Там же.

Иконописная мастерская Соловецкого монастыря. Фотография Я.И. Лейцингера нач. XX в.

юродного брата и два пейзажа (прибой и березки). Все работы были сфотографированы³⁵.

Мартемий Федорович Репин — иконописец, живший в Дураково. Учился ремеслу в Соловецком монастыре, писал иконы и для местной церкви³⁶.

Феофан Петрович Кононов жил в Соловецком монастыре два года как трудник в 1909–1911 гг. Позднее стал послушником Соловецкого монастыря. В 1924 г. был председателем коллектива верующих Архангельского кафедрального собора. 2–5 сентября 1924 г. состоялся Архангельский епархиальный съезд духовенства и мирян, на котором была осуждена деятельность «активнейшего руководителя тихоновской секты в епархии» Ф.П. Кононова и письма за его подписью, которые рассылались по сельским приходам. На съезде было принято решение просить высшие церковные инстанции о запрещении Ф.П. Кононову проживания в Архангельской епархии³⁷. В 1973 г.

³⁵ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972.

³⁶ Там же.

³⁷ НА СГИАПМЗ. Ф. 2 Оп. 1. Д. 495. Критский Ю.М. Контрреволюционная деятельность Соловецкого монастыря (1917 – нач. 1920-х гг.). Научная справка. — Ю.М. Критский ссылается на протокол Архангельского епархиального съезда духовенства и мирян 3–5 сентября 1924 г.

Ф.П. Кононов передал Соловецкому музею рукопись своих воспоминаний. В последние годы проживал в Северодвинске. Был грамотным, проявлял незаурядный интерес к истории Соловецкого монастыря³⁸.

Егор Степанович Цыварев родился в 1891 г. в д. Долгое Нижнерыболовского сельсовета Приморского района Архангельской области. В возрасте 18 лет отправлен в Соловецкий монастырь по обету. Был трудником в Соловецком монастыре в 1908–1909 гг.³⁹. Работал в верхней братской трапезе Успенского собора, на сенокосе, коридорщиком.

Иван Степанович Карпов родился в 1888 г. В 1899 г. окончил начальную школу с похвальным листом. В 1902 г. по обещанию отправлен на год на Соловки. Из-за смерти отца в семье было трудное материальное положение. В монастыре проживал монахом мамин брат. На Соловках Карпов обучался церковному пению и служил певчим в храме. Сколько лет он провел в монастыре, неизвестно. Воспоминания неожиданно обрываются. Однако, судя по предисловию к воспоминаниям,

³⁸ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 593. Кононов Ф.П. Воспоминания. 1973.

³⁹ Там же. Д. 78. Цыварев Е.С. Воспоминания.

Карпов стал церковнослужителем и в этом звании встретил революцию. Ему пришлось пережить все гонения и на себе лично испытать ужасы тюрьмы. «И последующая жизнь моя в новом советском обществе, — пишет Карпов, — выделяла меня как бывшего служителя церкви, оставшего от современной культуры». В воспоминаниях он остался верен убеждениям своей юности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношение к соловецким монахам

Отношение к монахам, к конкретным людям, с которыми сталкивались в повседневной жизни богомольцы, трудники, наемные работники было, конечно, различным и очень субъективным. Цитируемые оценки характеризуют не только монахов, но и самих паломников. В экспедиционных материалах мы читаем: «Монахи самый кроткий народ»⁴⁰. «Монахи хорошие были»⁴¹. «Монахи, как и нонче, люди грешные были...»⁴² И.С. Карпов пишет: «Монахи, хотя и порвали связь с миром, но как люди не лишены всех человеческих влечений и немощей. У них есть близкие друзья в мире, которые посещают их летом и привозят предметы и вещи, удовлетворяющие их небольшие и не остывшие еще совсем потребности — табак, и во славу Божию, для праздника можно выпить и винца»⁴³. Е.С. Цыварев рассказывал: «Помню монаха отца Арефу — не знаю имя или фамилия. Он работал старостой в литейной, был мастером литейным и слесарным... Пьяница... Я не видел, носил ли он мантию»⁴⁴.

А.И. Андреев (1897 г.р.) говорил: «Монахи жили хорошо. Сытно ели и богомольцев хорошо кормили. На обед — борщ с рыбой, капуста с крупой, каша, квас, мягко спали (у иеромонахов были пуховики. Упадет на него монах — как утонет. И вино пили (из Архангельска им привозили). Пьяными по монастырю не ходили, правда, пили только у себя в келье. Жили на всем готовом. Купцы им жертвовали хлеб. Баранов, лошадей и т.д. Сами монахи только немного рыбы для себя ловили да руководили работами»⁴⁵.

⁴⁰ Там же. Д. 119. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973.

⁴¹ Там же. Д. 11-13-79. Т. 7. Дневник-отчет по экспедиции в Калгалакшу Кемского р-на КАССР. 1979. Лукина М.А.

⁴² Там же. Д. 119. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973. Совершаева Е.В.

⁴³ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 75. Отчет экспедиции в Красноборский р-н Архангельской обл. 1982.

⁴⁴ Там же. Д. 78. Цыварев Е.С. Воспоминания.

⁴⁵ Там же. Д. 119. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973.

Б.В. Шергин, как бы отвечая на подобные откровения, пишет: «Всякой находит, что ищет, всякой видел в монастыре то, что способен был видеть, что ему дано было видеть. Всяк видел то, что хотел. И жемчужную кучу разрывая, ухитрялись «навозное» зерно иные любители находить»⁴⁶.

За некоторыми высказываниями стоит ощущение тяжелого, неустроенного существования нашего крестьянства, все та же зависть к благоустроенным и сильным, на волне которой проходила в стране раскулачивание и коллективизация.

Из воспоминаний Ивана Андреевича Латухина (1904 г.р.): «Бывал в Соловецком монастыре в 1918 г. Моего дедушку подрядил туда везти на карбасе какой-то лесовод, бежавший из Онеги от красных. Я ездил вместе с ними. В монастыре из-за ветра мы с дедушкой жили 5–6 дней. Тогда в монастыре было 40–50 монахов и годовики. Богомольцев не было. Ходил вместе с монахами и годовиками на сенокос. Что мне больше всего запомнилось, так это то, что монахи между собой говорили все про женщин, все про женщин, говорили, как обычно мужики говорят между собой. Я тогда очень удивился: как это монахи, святые, вроде, и про женщин все время говорят. А так монахи набожные были. На каждый крест, помню, крестились. Но все же мой дедушка был набожнее монахов»⁴⁷.

Эти нелюбимые оценки — свидетельства смутного времени, которое сказалось и на монастыре, и на его богомольцах. Понятно, что и сама смута во многом объясняется состоянием нашего общества, а монастыри были «плоть от плоти» его.

Образ паломника и статистика паломничества

Но анализируя оценки информаторов, важно взглянуть и на них самих. Какими были паломники и трудники Соловецкого монастыря? В большинстве своем — это северные крестьяне из Поморья и других, более отдаленных мест Архангельской губернии, а также крестьяне Вологодской и Олонецкой губерний, пришедшие на Соловки «по обещанию». В воспоминаниях высвечивается цельный образ крестьянского юноши, «по вере и усердию» трудящегося в Соловецком монастыре и постигающего особые законы монастырской жизни.

В некоторых воспоминаниях чувствуется влияние смутного времени. Иван Федорович

⁴⁶ Шергин Б.В. Изящные мастера. М., 1990.

⁴⁷ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 119. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973. Латухин И.А.

Никитин (1891 г.р.) вспоминал: «Родители молились, а у нас уже веры не было»⁴⁸.

Мария Ефимовна Дьячкова (1896 г.р.) рассказывала: «Была на Соловках в 15-летнем возрасте. Ходили на Секирную гору пешком. Ходить везде некогда было, были с кавалерами, баловались»⁴⁹. Елизавета Степановна Елизарова говорила так: «Была и в соборах, да мы молоды были, все глядели, как бы сбежать»⁵⁰.

И все же подобные высказывания встречаются не часто. Ранее приведенные в данной справке экспедиционные материалы показывают, что среди паломников было очень много глубоко верующих людей. Когда случалось в жизни человека нечто важное и решающее, он обращался за помощью к Богу и, получив помощь, даже через многие годы не забывал долг благодарения, приходил в монастырь, преодолевая опасности, испытания многотрудного пути. Каждый богомolec приносил свою копеечку или то, во что вложил труды свои. В конце XIX в. в монастырь ежегодно приходили 15–20 тыс. паломников. К началу 1917 г. поток несколько сократился, но был достаточно высоким по сравнению с другими монастырями и составлял более 13 тыс. богомольцев⁵¹. Каждый год в монастыре оставалось около 500 трудников поработать во славу Божию⁵². Необходимо различать отношение паломников, трудников к монахам и монастырю.

Отношение к Соловецкому монастырю

К Соловецкому монастырю поморы относились с почитанием и благоговением. Соловки для паломника — это место встречи с Божьим

Монах о. Григорий, вольнонаемный рабочий

Рисунок Н. Качалина 1926 г.

миром, со святынями его, место, посвященное Богу. Конечно, крестьяне не формулировали свое отношение столь высокопарным образом, они могли его не сознавать, но в их рассказах это отношение живет. Они приезжали в дом Святого Спаса и Богородицы, к преподобным Зосиме и Савватию с заветными просьбами, в надежде получить исцеление. На Соловки приносили долг благодарения. Каждый паломник приходил с жертвой, старался в меру сил принести, подарить в монастырь то, что у него есть: свои труды, часть своего имущества, свое чадо, «сердце сокрушенно и смиренно»...

Соловки — это особое сакральное пространство, где есть место чуду, и для паломника здесь было множество чудодейственных вещей, овеещающих его веру, помогающих ей. Паломники почитали мощи преподобных Зосимы и Савватия. Статуя Христа в Филипповой пустыни напоминала и как бы повторяла, продлевала для верующего сердца чудо его явления. Страдающий глухотой мог получить исцеление под колоколом, болезнующего

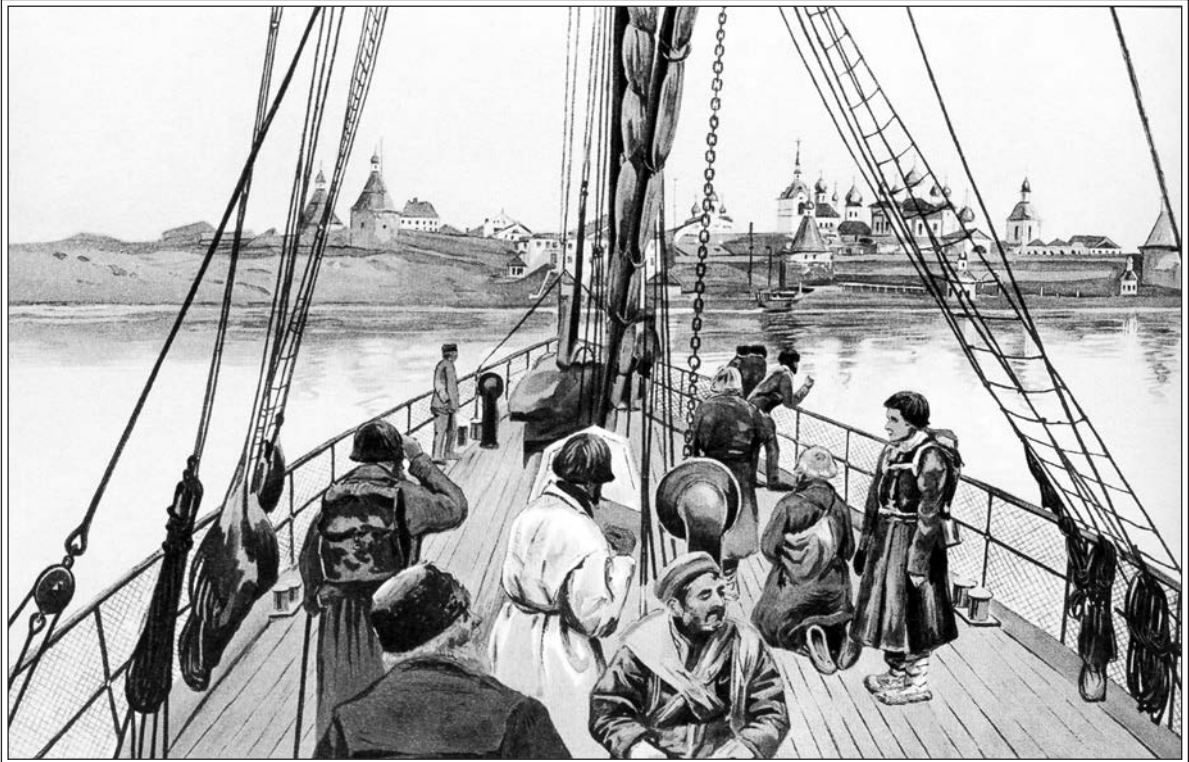
⁴⁸ Там же.

⁴⁹ НА СГИАПМЗ. П.т.-1/80, 11-13-80-8. Полевая тетрадь экспедиции на Лямецкий берег. 1980.

⁵⁰ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 119. Дневник экспедиции в Онежский и Приморский р-ны. 1973. Елизарова Е.С.

⁵¹ В справке Критского Ю.М. приводятся данные цифры со ссылкой на «Список населенных мест Архангельской губернии на 1 января 1918 г.», Архангельск, 1918. В справке А.А. Сопиной «Паломники и паломничество» говорится: «В самом конце XIX в., с проведением железной дороги Ярославль – Архангельск, это число увеличилось с 15 до 23 тысяч, вероятно, эти цифры соответствуют действительности, так как повторяются во многих источниках». Среди источников приводятся: Путеводитель по Северу России. СПб., 1899; Немирович-Данченко В.И. Беломорье и Соловки. К., 1876.

⁵² В справке А.А. Сопиной «Паломники и паломничество» говорится: «В XIX в. их количество колебалось ежегодно от 500 до 600 человек, иногда доходя до 1000». См. Протопопов С.Д. Из поездки в Соловецкий монастырь. М., 1905.

На богомолье. Рисунок неизвестного художника

зубами утешал чудодейственный крест, страдающий от головной боли мог излечиться с помощью камня святителя Филиппа и т.д. и т.п. Всё это — своеобразные памятники народной веры, которая дорожит материальными свидетельствами духовной силы.

Отчетливо прослеживается в воспоминаниях также отношение к монастырю как к опоре и заступнику, «надёже». А.У. Мошникова, прощаясь с соловчанам, говорила: «Поклонитесь монастырю. Монастырь — родной отец наш»⁵³.

Поморы гордились Соловецким монастырем, его красотой, богатством и славой. О.И. Дядькина признавалась: «Соловецкий монастырь своим благолепием произвел огромное впечатление»⁵⁴.

Паломников поражало также монастырское хозяйство. «Хозяйство в монастыре было прекрасное, порядок исключительный, коммуна»⁵⁵.

Помнили поморы, что это «свой» монастырь, построенный во славу Божью по́том дедов и прадедов, поддерживаемый их собственными трудами. Степанида Степановна Колтакова (1901 г.р.), уроженка д. Луды, отказывалась брать

у музейных сотрудников за что-либо деньги, говоря: «Пусть от меня в Соловках будет»⁵⁶.

Поморы знали, что если придет черный день, то можно податься в Соловки, в хлебное царство, где всегда накормят... «Богатый был монастырь. Один в мире был такой монастырь. Мужики как туда выберутся — монахи хлеба надают, богатые были»⁵⁷.

Соловецкий монастырь для многих трудников и паломников стал школой жизнеустроения в самом широком смысле слова. Здесь насельники постигали правила христианской жизни, приучались к церковной службе, получали образование, привыкали к дисциплине, аккуратному исполнению своих обязанностей, трудолюбию, общительности. Нередко в экспедиционных материалах упоминаются имена крестьян, обучившихся в монастыре какому-либо ремеслу и известных позднее в деревне своим мастерством.

Ф.П. Кононов, трудник Соловецкого монастыря, подробно живописуя быт монастырских насельников, точно определяет приоритеты монастырской жизни. Он говорит о молитвенном подвиге, как о том «главном, ради чего и живут в монастыре». «Без этой цели жизнь в монастыре бессмысленна и невыносима»⁵⁸.

⁵³ НА СГИАПМЗ. П.т.-1/80, 11-13-80-8. Полевая тетрадь экспедиции на Лямьинский берег. 1980.

⁵⁴ НА СГИАПМЗ. Д.-1/75. Т. 1. Отчет экспедиции в с. Турчасово Онежского района. 1975.

⁵⁵ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Отчет по экспедициям, командировкам, стажировкам. 1972. Курьянов Т.Е.

⁵⁶ НА СГИАПМЗ. Д. 11-13-83. Т. 9. Дневник экспедиции в Приморский р-н Архангельской обл. 1983.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ НА СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 593. Кононов Ф.П. Воспоминания. 1973.

Взаимовлияние монастыря и его богомольцев

Монастырь и его паломники — это части единого целого, и взаимовлияние их было чрезвычайно существенным. Монастырь не только держался копейкой и трудами крестьян, — они во многом определили образ монастыря XIX–XX вв. Скульптурное изображение Христа в Филадельфийской пустыни, изгрызенный крест, росписи галереи, соединяющей Трапезную и Спасо-Преображенский собор — все это памятники народной веры, которые пользовались огромной популярностью у простых паломников. Мы не найдем в монастыре этого времени высокохудожественных творений в области архитектуры, иконописи или литературы. Сравнивая воспоминания крестьян с опубликованными впечатлениями интеллигенции и дворянства, мы замечаем, что многое из того, что народ воспринимал с благоговением и радостью, так называемые «просвещенные» паломники не приемлют. Ужасают их монастырские святыни, грубой и невежественной кажется им народная вера и ее проявления⁵⁹.

Крестьянский ум практичен. Поморы помогают поддержанию морского дела и традиционных промыслов в монастыре. В образцовом порядке содержатся огороды, коровники и конюшни. Создается Соловецкое пароходство⁶⁰. Расширяется водоканальная система, энергия которой используется для работы гидроэлектростанции, дока, гидротурбины мельницы и др. Монастырское хозяйство было выдающимся памятником трудолюбию и предприимчивости крестьянина-богомольца.

Влияние крестьянских богомольцев на монастырь выражалось также и в том, что именно из их среды приходила новая смена монашествующих, приносила в монастырь свою цельную веру, трудолюбие, знание поморских ремесел и промыслов.

Влияние монастыря на северное крестьянство очевидно. Существование Соловецкого монастыря, «Дома Преподобных», было важной мировоззренческой опорой крестьянского мира. Паломничество и трудничество поддерживало, укрепляло благочестие северного крестьянства, его веру. Наиболее глубоким было воздействие на богомольцев традиции трудничества. Традиция

эта была очень древней, и дело не только в использовании труда богомольцев для поддержания монастырского хозяйства... Трудные послушания — это важная часть духовной жизни монастырского насельника, именно на этих послушаниях он учился смирению, терпению, самоотверженности. Труд ради обители Божьей понимался как средство духовного самосовершенствования. Проходя через школу трудничества, отроки постигали законы монастырской жизни, получали необходимое образование, определялись в своем призвании. Те, кто не имел склонности к церковным искусствам, совершенствовались в ремесле. Таким образом, влияние монастыря на крестьянство Русского Севера было не только духовным, но и общекультурным⁶¹. Но, с другой стороны, трудничество — это подготовительная ступень школы монашества. Именно из среды трудников приходили монашествующие. Монастырь не мог бы продержаться за счет отдельных подвижнически настроенных личностей, приходящих в монастырь. В этом многонаселенном монастыре с огромным и сложным хозяйством на краю земли, посреди океана-моря были достаточно экстремальные условия существования. Благодаря традиции трудничества по обету соловецкая община воспроизводилась, развивалась, поддерживался огромный и многосложный монастырский организм, его духовная жизнь и хозяйство.

Волкова Елена Вячеславовна

Окончила философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета. На Соловках — с 1996 г. В настоящее время — сотрудник Соловецкого музея-заповедника.

⁵⁹ Верецагин В. На Северной Двине. СПб., 1895; Пришвин М. Весна света. М., 1953. Протопопов С. Из поездки в Соловецкий монастырь. М., 1905. Энгельмейер А. По русскому и скандинавскому Северу. СПб., 1902.

⁶⁰ В 1861 г. монастырь по инициативе настоятеля обители архимандрита Порфирия приобрел пароход «Волга». Этот год можно считать годом основания Соловецкого пароходства.

⁶¹ В монастыре аккумулировался передовой опыт и знания не только Севера России, но и ее крупных культурных центров. Знания эти распространялись в Поморье благодаря Соловецкому монастырю. Одним из самых известных примеров такого рода является Иконописная школа Соловецкого монастыря.